

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

МАРИ ФРЕДРИКССОН

ХЕЛЕНА ФОН ЦВЕЙГБЕРГ

≈ НОРДБУК ≈

**Хелена фон Цвейгберг
Мари Фредрикссон
Любовь к жизни
Серия «Скандинавская
линия «НордБук»»**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68260936
Любовь к жизни: ИД «Городец»; Москва; 2022
ISBN 978-5-907483-49-1*

Аннотация

Мари Фредрикссон (1958-2019) – шведская певица, композитор, солистка знаменитой группы Roxette, прославившейся благодаря таким хитам, как «Joyride», «The Look», «It Must Have Been Love» и «Listen to Your Heart». В 2002 году у неё обнаружили опухоль головного мозга. Несмотря на тяжёлые последствия лучевой терапии, Мари продолжила музыкальную карьеру и даже вернулась на сцену.

«Я лишь хочу рассказать о том, как всё было. Без прикрас. Чистую правду». Именно так Мари Фредрикссон описала идею этой книги журналистке и писательнице Хелене фон Цвейгберг.

В этой книге слово предоставлено Мари Фредрикссон, её родным и близким. На этих страницах – рассказ о большой любви, бездонной печали, невероятном успехе и реванше, взятом

вопреки всем превратностям судьбы. И всё это лишь благодаря огромной любви к жизни.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
«Только сейчас я могу произнести „опухоль мозга“». Рассказ Мари о болезни	16
Хельсингборг. Среда, 1 февраля 2014 года.	41
Возвращение к истокам	
«Я хотела увидеть всё – весь мир!» Рассказ Мари	46
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Мари Фредрикссон, Хелена фон Цвейгберг Любовь к жизни

© Fredriksson, Marie & Zweigbergk, Helena, 2015

© Ю. Антонова, перевод на русский язык, 2022

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление,
2022

Предисловие

ВО ВЗГЛЯДЕ МАРИ Фредрикссон есть что-то особенное.

Я не перестаю думать об этом, когда в 2013 году мы встречаемся ранним осенним утром, чтобы обсудить возможность появления этой книги.

Я приехала на виллу семьи Болиос, расположенную в районе Юрскольм. Здесь живут Мари и её муж Микке, их двое детей, Юсефин и Оскар, и кошка Сессан.

Мари будто бы излучает мудрость и даже некую загадочность. Кажется, на её жизненном пути встретилось то, что трудно передать словами. Головокружительные события. Километр за километром по Швеции и другим странам, погружение во мрак и путь к свету.

Я ловлю взгляд Мари и понимаю, насколько серьёзны её намерения. Она будет говорить не только ради себя, но и ради других. Одно из последствий обнаруженной у неё опухоли головного мозга – частичная потеря памяти. Теперь память постепенно возвращается, и Мари хочет воссоздать историю собственной жизни.

Но есть и другая причина.

– Я хочу, чтобы люди знали, – решительно произносит она. – Мне нужно поведать о том, каково это – пережить всё, что со мной произошло.

Мы сидим в прекрасном доме на белоснежном диване. В хрустальной вазе стоят белые розы. В интерьере – старинные вещицы и большой чёрный блестящий рояль. На стене – картина Эйнара Юлина¹, от которой трудно оторвать взгляд. Как и многие другие дома этого района, вилла семьи Болиос наполнена красотой и обставлена со вкусом. Заработанные деньги помогают осуществить всё задуманное.

Разумеется, мне очень хочется попробовать рассказать историю Мари.

Мы встречались с осени 2013-го до лета 2015-го, и за это время с ней произошло множество самых разных событий. Конечно, её жизнь и прежде нельзя было назвать спокойной, хотя Мари и пыталась всеми силами сохранять душевное равновесие. У неё состоялось сольное турне – первое с осени 2002 года, когда у неё обнаружили рак. Вместе с Микке она выпустила альбом «Nu!»², а также записала несколько треков для группы Roxette и отправилась в мировое турне, которое стартовало в России и продолжилось в Австралии и Европе.

Не нужно долго общаться с Мари, чтобы понять: она – настоящий боец, обладающий железной волей. Порой ей требуется помощь, чтобы дойти от одной комнаты до другой, – но при этом она готова объехать весь мир и предстать перед

---

¹ Эйнар Юлин (1890-1976) – шведский художник, творивший в стиле примитивизма. Писал портреты, натюрморты и виды Стокгольма. – *Прим. пер.*

² Швед. «Сейчас!» – *Прим. пер.*

миллионами зрителей.

– А что ещё остаётся? – удивляется она. – Просто ждать смерти? Я сразу решила: этому не бывать! Ни за что не стану сидеть сложа руки и дожидаться приближения собственного конца.

И добавляет:

– Да и с голосом, чёрт возьми, нет никаких проблем!

На протяжении двух лет мы встречались дома у Мари. Она живёт недалеко от залива Стура-Вэртан, в районе Юрскольм – самом роскошном предместье Стокгольма, где виллы стоимостью более десяти миллионов крон³ обнесены высокими заборами и хорошо охраняются. Дом Мари – одновременно и уютный уголок, и её крепость. Сама она редко выходит даже в сад. После неудачной лучевой терапии почти не получается наступать на одну ногу – она слишком слаба. Мари боится упасть, и ей нужно на кого-то опираться.

Чаще всего мы с Мари садились за их семейный кухонный стол, пили кофе и заедали его несметным количеством булочек. Иногда, когда я подходила к окружающей её дом стене и ждала, чтобы меня впустили, я замечала букет цветов, оставленный каким-нибудь поклонником.

– О, от поклонников, – говорит Мари, когда я вхожу к ней с букетом и приложенным к нему письмом. – Они просто потрясающи!

---

³ Около миллиона евро. – *Прим. пер.*

С одной стороны, фанаты упрямы, а с другой – преисполнены любви и доброты. На сольные концерты Мари зимой 2014 года они съезжаются со всех концов света: из Аргентины и Дании, Голландии и Германии. Они проделывают весь этот путь лишь с одной целью: увидеть и услышать Мари.

Мы не торопимся. Ждём, пока слова и воспоминания, порой запрятанные невероятно глубоко, сами всплывут на поверхность.

– Ох уж эта болезнь, – часто вздыхает Мари, когда пытается что-то припомнить и беседа вдруг прекращается.

Как правило, сложнее всего ей даются имена. И места.

Но иногда Мари подбирает слова мгновенно. Как-то я говорила о том, какой великой звездой она была, и тут же услышала в ответ колкое: «Была?! Я и сейчас звезда!»

Или вот ещё пример. Я подмечаю, какой дружной оказалась её семья и как она сплотилась, когда у Мари появились проблемы. Ответ вновь не заставляет себя ждать: «А мы *и сейчас* сплочённая семья!»

А однажды, когда она рассказывает о болезненных переживаниях, связанных с периодом химиотерапии и реабилитации, я сочувственно соглашаюсь – мол, «понимаю». И тут же слышу: «Нет, не понимаете. Такое невозможно понять, пока не пройдёшь через всё это».

Пожалуй, так и есть. До конца осознать и прочувствовать подобное не получится. Но Мари рассказывает о трудностях так детально и проникновенно, что получить о них некото-

рое представление всё же удаётся.

Про себя Мари часто говорит, что она – типичный Близнец. Если хоть немного разбираться в астрологии, как, например, её старшая сестра Улла-Бритт, то Мари можно назвать даже «Близнецом вдвойне», то есть человеком, в котором борются полные противоположности. Это впечатляет! Одна сторона – мудрая, собранная, спокойная, другая – личность, чьё настроение может измениться в мгновение ока, будто погода. В Мари точно есть и свет, и тьма.

На вопросы о тёмном периоде жизни Мари отвечает, не задумываясь:

– Даже не представляете, насколько это ужасно. Это такая печаль. Такая страшная бездонная печаль.

По щекам бегут слёзы, но она смахивает их быстрым движением руки:

– Но всё будет хорошо. Мы постоянно замечаем перемены к лучшему. К тому же надо ещё и посмеяться. О смехе вообще никогда нельзя забывать – он чрезвычайно важен.

Мари тщательно следит за тем, как рождается будущая книга, её история. Я встретила со множеством людей из её окружения, но мне не хотелось создавать биографию, где просто-напросто перечисляются в хронологическом порядке факты из жизни Мари.

Эта книга – о воспоминаниях, вызывающих эмоции. В ней лишь то, о чём сама Мари считала важным поведать миру.

С первого дня она твёрдо понимала, какой будет книга:

– Нужна честность. Я хочу рассказать всё без прикрас. Без пустой болтовни. Одни лишь факты.

Многие из моих собеседников говорят о Мари примерно одно и то же. Например, упоминают её доброе сердце. «Огромное сердце в крошечном тельце, – подытоживает её подруга Ева Аттинг. – Она выглядит хрупкой, но это Человек с большой буквы».

– Мне всегда казалось, что в ней куда больше энергии, чем в ком бы то ни было в группе, – вспоминает Лотта Скуг, подруга Мари и гражданская супруга Пелле Альсинга – ударника Roxette и собственной группы Мари. – До болезни она была самой энергичной из всех нас. В общем-то, она и сейчас способна задать жару – ну, если принять во внимание её проблемы. Подумать только, у неё на всё хватает сил, она не сдаётся и продолжает работать. Это просто потрясающе!

– Пожалуй, она самый щедрый и отважный человек, которого я когда-либо встречала, – заявляет Марика Эрландссон – одна из тех подруг, что были рядом с Мари в трудную минуту. Марика – гражданская жена Кларенса Эвермана – продюсера и клавишника Roxette с момента создания группы.

Марика подтверждает и моё собственное наблюдение: «Даже когда ситуация казалась безвыходной, в Мари не было ни зависти, ни горечи. Она всегда радовалась за других. В этом её уникальность».

– Она не просто прекрасный друг: примерно с середины

1980-х я считаю её настоящим образцом для подражания, – говорит Оса Гессле⁴. – Мы общались и путешествовали вместе ещё до создания Roxette. У Пера, Мари и Лассе Линдбома был хобби-проект «Exciting Cheeses», и тогда мы выступали за донаты. Все полученные от публики деньги я складывала в сумку. Нам было так весело! Я лично видела, как Мари благодаря сильному желанию и упорству смогла достичь таких высот. Она из простой семьи и сначала была ужасно застенчива. Но внутренняя сила и удивительный голос превратили её в звезду мирового уровня. Люди во всех уголках Земного шара вряд ли могут остаться к ней равнодушными. Мари всегда верила в себя, и ей удалось добиться чего-то невероятного. Поэтому-то она и служит для меня источником вдохновения.

Об энергии Мари говорят и другие. Режиссёр Юнас Окерлунд – создатель нескольких клипов Roxette и документального фильма «Den ständiga resan»⁵, посвящённого Мари, говорит:

– Её всегда отличала потрясающая энергия, причём не только в том, что касалось работы. Вот уж настоящая рокерша: она пила пиво и частенько зависала в баре, когда заканчивался рабочий день. С ней никто не скучал. И при этом

---

⁴ Оса Гессле – супруга Пера Гессле, основателя группы Roxette, автора музыки (иногда в соавторстве с другими композиторами) и исполнителя некоторых песен. – *Прим. пер.*

⁵ Название фильма можно перевести со шведского как «Постоянно в пути». – *Прим. пер.*

она была невероятно креативна и полностью отдавала себя музыке. Я встречал много суперзвёзд, но Мари и Пер выделяются на их фоне. Они не такие, как все: похожи на простых людей, в них даже есть какая-то безропотность. Думаю, всё дело в том, что они оба провинциалы.

Описать музыкальный талант Мари можно примерно так: – Она наделена невероятной силой, – поясняет Томас Юханссон, председатель совета директоров компании «Live Nation», друг и коллега Мари. – Она поистине способна передать чувства и эмоции. В ней есть что-то особенное. Она такая хрупкая, а в голосе такая мощь. А ещё она принадлежит к той когорте певцов, которым удаётся донести до слушателя истинный смысл песни. Элтон Джон, Брюс Спрингстин, Род Стюарт, Ван Моррисон и Мари – вот эти талантливые артисты. Они убеждают слушателей поверить в историю, которую рассказывают. Я точно не знаю, как это происходит, – может, они просто-напросто правильно расставляют акценты. Если бы можно было начать всё сначала, я бы стал искать только такие голоса.

– У Мари есть потрясающая способность к импровизации, и она умеет чувствовать, когда и как нужно начинать петь. У неё уникальный голос, не похожий ни на какой другой, – говорит Пелле Альсинг.

– Она поёт лучше всех в Швеции, – соглашается Кларенс Эверман. – Она и Моника Сеттерлунд. Мари невероятно искренняя и полностью отдаёт себя творчеству. Неудивитель-

но, что весь мир идёт за ней. У неё есть то, чего нет у остальных.

Об этой искренности и открытости говорят очень многие. Тексты, которые в устах других звучали бы наивно или глупо, у Мари наполняются смыслом и кажутся правдоподобными. «Этот день будет лучшим в моей жизни»⁶ – эта строка Мари поистине вселяет надежду. Возможно, речь идёт о мужестве, о смелости проявить себя и открыть своё сердце, не пытаясь при этом умничать или иронизировать.

– Она действует интуитивно и может вдохнуть жизнь в свои песни, – говорит Чель Андерссон, работавший на звукозаписывающей компании «EMI», которая сделала Мари знаменитой. – Ей веришь. Её голос трогает до глубины души каждого, кто его слышит. Не знаю, как это происходит. Похоже, что между ней и слушателем устанавливается какая-то связь. В её манере пения есть невинность и наивность, проникающие прямо в сердце. А ещё Мари испытывает искреннюю радость, когда поёт, – и слушатели это чувствуют.

Работать над этой книгой помогали многие: друзья, близкие и коллеги Мари подолгу беседовали со мной, чтобы помочь воссоздать картину её прошлого. Всем этим людям я хочу выразить глубокую признательность. Это Пер Ларссон, Марика Эрландссон, Кларенс Эверман, Андерс Херлин,

---

⁶ «Det här ska bli den bästa dan i mitt liv» – строка из песни Мари Фредрикссон «Den bästa dagen». – *Прим. пер.*

Пер Гессле, Оса Гессле, Мари Димберг, Кристофер Лундквист, Лассе Линдбом, Никлас Стрёмстед, Ева Аттлинг, Пелле Альсинг, Лотта Скуг, Оса Эльмгрен, Стефан Дернбрант, Мартин Стернхювуд, Ика Нурд, Томас Юханссон, Чель Андерссон, Юнас Окерлунд, родные Мари Тина Петтерссон, Герти и Свен-Арне Фредрикссон, Улла-Бритт Фредрикссон, Тони Фредрикссон, подруга детства Черстин Юнер, Бите Хенриссон, Буэль Андерссон и, главное, Микаэль Болиос – супруг Мари. Он был рядом во время её болезни и не просто поддерживал Мари, а стал настоящим бесценным свидетелем тех событий.

Хелена фон Цвейгберг

ЛЕТО 2015 ГОДА

«Только сейчас я могу произнести „опухоль мозга“».

Рассказ Мари о болезни

ЭТОТ АД НАЧАЛСЯ 11 сентября 2002 года. 12 сентября я собиралась лететь в Антверпен: там у нас с Пером Гессле была назначена пресс-конференция. Roxette запланировали турне в рамках серии концертов Night of the Proms⁷. Организаторами выступали бельгийцы, и на пресс-конференции мы хотели рассказать о нашем участии в этом проекте.

Я должна была лететь утром, а Пер – накануне. Он ненавидит рано вставать и надеялся выспаться. А я, в свою очередь, не хотела лететь в первую годовщину нью-йоркских терактов. Мне казалось, что безопаснее будет подождать и смириться с ранним подъёмом.

В то утро Микке как раз прочитал мне статью об этих терактах.

В ней шла речь о молодом шведе, работавшем в одной из башен-близнецов. Самое ужасное – он просто исчез под за-

---

⁷ Night of the Proms – серии концертов, которые ежегодно проводятся в Бельгии, Нидерландах, Германии и Испании (иногда также и в других европейских странах). В концертах принимают участие известные поп-группы и музыканты, которые выступают, как правило, совместно с симфоническим оркестром. – *Прим. пер.*

валами. Его родственники так и не узнали, что с ним произошло.

Помню, мы говорили о судьбе этого мужчины. Он, вероятно, думал, что это просто очередной день – самый обыкновенный и ничем не примечательный. Он даже не мог предположить, что случится чуть позже в то страшное утро.

Мы оба решили: как же хорошо, что никому из нас не суждено узнать своё будущее. По сути, это наше незнание о грядущем – настоящая божья милость.

И мы совершенно не представляли, что произойдёт через какие-то пару часов. Мы не знали, что наш мир перевернётся.

Выпив утренний кофе, мы с Микке отправились на пробежку. Он захотел посоревноваться, и я от него убежала. Ха-ха. Как же быстро я могла бегать!

Когда мы вернулись, мне уже было не слишком хорошо. Я чувствовала усталость и тошноту, мне захотелось немного отдохнуть. Вообще-то времени на это не оставалось: надо было собирать вещи.

Но я всё же прилегла – и вдруг поняла, что один глаз перестал видеть. Тошнота усиливалась, и я пошла в ванную. Там я упала. Помню, как сильно испугалась. А потом стало темно.

У меня случился приступ эпилепсии. Всё тело трясло, и я так сильно ударилась головой о каменный пол, что в черепе образовалась трещина. Тогда я, конечно, этого не пони-

мала. Но я помню, как услышала голос Микке. Он говорил как будто откуда-то издалека: «Мари! Что случилось?»

Потом опять темнота. А дальше в памяти всплывает скорая. Перед глазами всё мерцало, я слышала вой сирен. И снова стало темно.

Когда я пришла в сознание, то увидела Микке и его маму Берит. Они сидели у моей кровати.

– Что я здесь делаю? – удивилась я. – Что случилось?

В палате появился врач и осторожно, по-доброму спросил, не хочу ли я изменить мои гастрольные планы.

– Разумеется, нет, – ответила я. И тогда доктор таким же добрым и спокойным голосом сказал, что поездку необходимо отменить.

Постепенно я начала осознавать, что нахожусь в больнице. Я помнила, как упала. Но то, что причиной падения могла быть опухоль мозга, я и представить себе не могла. Мне казалось странным, что перед глазами всё ещё мерцает, но в целом я была уверена: это просто несчастный случай.

Вскоре врач вернулся, держа в руках рентгеновские снимки, и рассказал, что у меня обнаружили опухоль.

Понимаете, какой это был шок?

Мой первый вопрос был: умру ли я? Нет, ответил врач. От этой опухоли я не умру, ведь её можно удалить.

Этот ответ меня полностью удовлетворил: опухоль есть, но от неё можно избавиться. Я буду жить.

Врач продолжал говорить, но я его не слышала или не хо-

тела слышать. Ведь уже тогда было ясно: опухоль появится снова, и ту, новую, возможно, уже не удастся вырезать. Микке понял это. А я нет.

О том, как всё плохо, Микке узнал обходными путями. Собственно говоря, никто из нас не желал слышать, насколько малы мои шансы. Мы хотели бороться и надеяться до последнего.

У нас есть знакомый врач. Он лечил трещину, которая появилась у меня после падения. Этот доктор – наш друг, и уж он-то точно должен был знать, как всё обстоит на самом деле. Он сообщил Микке, что жить мне осталось всего год. Когда Микке побледнел и чуть не потерял сознание, доктор поспешил его успокоить: возможно, я и пару лет протяну.

А если повезёт – то и три года.

Это был самый утешительный прогноз. В лучшем случае мне оставалось жить три года.

Микке пришлось думать, как сообщить детям о том, что мама скоро умрёт. Юсефин тогда было девять, Оскару – пять. В жизни Микке наступил настоящий ад. Ему чудилось, что к нам приближается какое-то чудовище, а он никак не может его остановить. Оставалось лишь сидеть со связанными руками и ждать, когда монстр нападёт. С ужасом ожидать, когда я начну чахнуть и угасать прямо на его глазах. И не иметь возможности как-то изменить это. Вот что казалось ему самым ужасным.

Осознавать своё абсолютное бессилие в сложившихся об-

стоятельствах.

Микке решил не говорить мне правду, ведь я продолжала надеяться на лучшее. Я верила, что смогу выздороветь, — ведь так сказал врач. Скоро всё вернётся на круги своя.

Бедный, бедный Микке. Как он мог лишить меня надежды? Как мог сказать мне, что я, скорее всего, умру?

Он говорит, что невозможность рассказать всё как есть словно вбила между нами клин. Мы привыкли всегда всё обсуждать открыто и честно. Всегда и всё. Мы не отворачивались друг от друга, не доводили разногласия до конфликтов. И никогда не было чего-то такого, с чем мы не могли бы справиться.

И вдруг мы столкнулись с серьёзнейшей проблемой, которую Микке даже не мог со мной обсудить. А ведь речь шла о жизни и смерти. Ему казалось, будет лучше, если я продолжу жить в счастливом неведении. Он хотел подбодрить меня, хотя и знал правду.

Правду, которой мы не могли касаться.

Я ничего не подозревала, а лишь твёрдо решила, что справлюсь с этим. Но положив руку на сердце, могу сказать: в глубине души я всё-таки понимала, что это может кончиться очень плохо. Первое время именно такие мысли и приходили ко мне по вечерам перед сном. И об этих мыслях я, в свою очередь, тоже не хотела рассказывать Микке. И детям. Дети иногда спрашивали, умру ли я, и я отвечала: нет, мне просто некогда умирать. Но ночами мне порой казалось, что

именно это со мной и произойдёт.

Говорить хотелось только о том, что всё будет хорошо. Демонстрировать это всем своим видом. В этом плане мы с Микке оказались в похожих ситуациях – наедине с самими собой.

При падении я получила черепно-мозговую травму, из-за которой нарушились равновесие и координация, поэтому в больнице мне выдали инвалидное кресло. Я могла пользоваться им и дома. Оскару казалось, что это лучшая в мире игрушка. Боже, как он на нём катался! А если не трогал его, то просто носился как ураган – ю-ху!

Когда у меня выпали волосы и я сидела, погрузившись в печаль, он мог ворваться, словно Бэтмен, – и каждый раз я начинала смеяться, видя это. Слава Богу, случались и такие моменты.

Нам домой посылали несметное количество цветов. Это было очень приятно. Например, я очень обрадовалась чудесному букету от Анни-Фрид Лингстад⁸. Микке иногда с ума сходил от всего этого. Ему казалось, что горы цветов – не что иное, как символ горя и трагедии, они буквально душат нас. Он говорил, что наш дом похож на кладбище, но, конечно, не мог не признавать: посылая цветы, люди выражали свою поддержку и переживания – и это очень мило.

Куда хуже вели себя газетчики. Когда всё это случилось, журналисты газеты «Экспрессен» позвонили моим сёстрам в

---

⁸ Анни-Фрид Лингстад – солистка группы АВБА. – *Прим. пер.*

Сконе⁹ посреди ночи и попросили прокомментировать произошедшее. Но мы даже не успели им ничего сообщить! Конечно, они ужасно встревожились, испытали настоящий шок. А пресса и дальше продолжала терроризировать их. Узнали ли они что-то новое? Слышали ли они что-нибудь?

Не знаю, как журналисты так быстро пронюхали, что меня увезли в больницу на скорой. Может, отслеживали всю информацию по нашему адресу и, когда поступил сигнал, поняли, что приехала неотложка. А может, им что-то сообщил персонал больницы.

В тот день, когда меня отвезли в клинику, журналисты до трёх ночи трезвонили в домофон. Об этом рассказала наша няня Ингер. И она, и дети, понятное дело, очень испугались. Со временем нам пришлось нанять трёх охранников, дабы те ни на секунду не спускали глаз с нашего дома. И затемнить все окна, чтобы фотографы не смогли снимать нашу семью, пребывавшую в глубоком шоке. Журналисты ни на шаг не отступали от Ингер, когда она отводила детей в сад и школу или забирала их оттуда.

А один раз Микке и вовсе не смог выехать из дома. Ему пришлось выйти из машины и спросить папарацци, обязательно ли стоять так близко к дверям и перегораживать дорогу. Тот ответил, что так распорядился его начальник, хотя ему самому вовсе не хотелось этого делать. Казалось, этот парень чувствовал себя неловко.

---

⁹ Сcone – южная провинция Швеции. – *Прим. пер.*

Мы не можем знать, было ли неловко и другим журналистам, но наш дом в буквальном смысле осаждали.

Менеджер Roxette Мари Димберг связалась с моими родственниками и объяснила, что они не обязаны отвечать на вопросы и могут просто вешать трубку. Моя родня – добродушные люди, которые не привыкли невежливо обращаться с другими, и потому пытались помочь, чем могли.

Телефон Мари Димберг просто разрывался. Как только она узнавала от нас что-то новое, ей тут же звонили из газет. Очевидно, прессу снабжал информацией кто-то из сотрудников клиники. Журналисты узнавали все новости одновременно с нами, а потом принимались названивать Мари Димберг, чтобы она подтвердила или опровергла всё это. Кто-то в Каролинской больнице решил подзаработать, передавая информацию газетам. Мари Димберг даже поднимала этот вопрос с пресс-службой и отделом безопасности клиники.

Итак, журналисты быстро пронюхали, что у меня опухоль мозга. Они спрашивали у всех наших знакомых, так ли это. Мы поняли, что придётся рассказать правду. Мари Димберг отправила короткое сообщение в несколько изданий. Она сделала это в воскресный вечер, когда проходили выборы. Мари считала, что выборы важнее и новость обо мне не появится, по крайней мере, на первых полосах. Но в одной газете ей всё же выделили половину передовицы.

Опухоль удалили, и в течение следующего года я проходила так называемую лучевую терапию. Каждый раз мне на го-

лову водружали похожий на корону металлический обруч с разметкой. Очень важно, чтобы лучи попали в нужные места головного мозга. Речь идёт о точности до миллиметра, поэтому обруч плотно привинчивали к черепу. Я была в сознании. В качестве анестезии использовали специальную мазь, как у стоматологов, но я всё равно чувствовала, как стекающие капли крови перемешиваются со слезами. Пожалуй, это было самое страшное, с чем мне пришлось столкнуться за время терапии. Было просто ужасно! Словно на меня надели терновый венец!

При виде этой процедуры Микке чуть не стошнило.

А некоторые ситуации были и вовсе абсурдны. Вот я лежу с этой прикрученной к голове «короной», только-только прошла облучение, и тут входит новый врач, которого мы не видели раньше. Он спешит поделиться информацией о своём увлечении: он любит играть на гитаре, и у него даже есть группа. Только представьте: мы ждём результатов ужасно неприятной процедуры. Пока мы их не узнаем, «корону» снимать нельзя. И вот появляется врач, который свято верит в то, что я могу запросто поболтать о его группе.

Вряд ли он работал в отделении неврологии.

И о чём только думают люди?

Если ты публичный человек, попавший в больницу, то многие захотят взглянуть на тебя и поболтать. Например, одна из медсестёр рассказывала нам о своём муже. Всё в нём было не так, он был полным идиотом, и она подумывала раз-

вестись с ним, но на собственную квартиру ей не хватало 150 000 крон¹⁰. Нам с Микке показалось, что она пытается выпросить у нас деньги. Вот такие странности порой случались в больнице.

Это было время страшного ожидания. Тянулись долгие месяцы, а мы всё пребывали в тягостном отчаянии, не понимая, что со мной будет дальше.

Иногда по вечерам дети смотрели телевизор, а мы с Микке сидели на кухне друг напротив друга и ужинали в полной тишине. Из глаз текли слёзы. Но как только появлялся кто-то из детей, мы тут же пытались взять себя в руки.

Мы уже не были прежними родителями. Это оказалось неизбежно. Мы старались не раствориться в переживаниях и горе, но спрятаться от них никак не получалось. Они пожирали нас изнутри. Мы перестали быть чуткими к собственным детям. Я словно отстранилась от всего, а Микке постоянно беспокоился. И это, безусловно, сказалось на детях. Тогда-то мы и завели кошку Сессан, чтобы хоть как-то занять их.

Окутанные болью со всех сторон, мы с Микке порой хотели побаловать себя – сбежать от реальности. Случалось, что в какой-нибудь вечер мы слегка «перебирали» вина: мы жили так, словно каждый день мог стать последним.

Мы были не в состоянии вести себя с детьми как прежде,

---

¹⁰ Около пятнадцати тысяч евро. – *Прим. пер.*

но наше беспокойство было в основном связано именно с ними. Я только и думала: «Дети, мои дети». А вдруг я умру? Мамы не должны умирать! Я должна заботиться о детях и о Микке! Какой же я испытывала стресс! Когда я умру? Через минуту? Сейчас?

И тут появилась та божественная уверенность: я не могу умереть! Во мне с детства живёт сильная вера. Она всегда со мной, она принадлежит мне, и она внутри меня. В детстве я пела в церковном хоре, и это невероятно много для меня значило. Там я ощущала доверие и находила утешение. Сила, которую придавала мне моя вера, помогала мне справляться со многими трудностями.

Казалось, я нахожусь в лимбе¹¹. Наша семья пыталась жить как прежде, хотя раз за разом все убеждались: это невозможно.

Несмотря на частые визиты в больницу, мы старались сохранять хоть какие-то семейные традиции.

Например, по пятницам мы устраивали охоту за сокровищами. Сокровищем всегда был спрятанный пакетик со сладостями. Со временем традиция переросла в нечто большее: иногда мы могли полпятницы придумывать новые задания. Когда я заболела, мы решили продолжить игру в коридорах Каролинской клиники. Правда, сделать это нам удалось всего один раз – а дальше мы и пытаться не стали. Было оче-

---

¹¹ Лимб – в католицизме – место пребывания не попавших в рай душ, не совпадающее с адом или чистилищем. – *Прим. пер.*

видно, что всё изменилось и как раньше уже не будет. При-
творяться, будто скоро снова будет по-прежнему, казалось
странным и неестественным.

Я не могу без слёз говорить о том, как мне тогда не хва-
тало возможности быть мамой. До болезни я считала себя
сильным человеком, у которого абсолютно всё под контро-
лем. Пожалуй, в моей болезни самым ужасным оказалась
именно моя неспособность быть той мамой, которой мне бы
хотелось.

Люди часто говорят, что не понимали, насколько хорошо
живут, пока на их долю не выпали тяжёлые испытания. Но
мы понимали. Мы часто говорили друг другу о том, как же
нам повезло. Любовь, успех, здоровье. Я думаю об этом да-
же сейчас, глядя на фотографии детей, сделанные до моей
болезни. Мы были так счастливы вместе. У нас было всё.

И тут такое. Всё переворачивается с ног на голову. Ве-
роятно, многое нельзя понять, если сам через это не прохо-
дишь.

Мне казалось: как хорошо, что дети ещё маленькие и пока
не совсем осознают происходящее. Хотя Юсефин, пожалуй,
что-то понимала, но Оскар – точно нет. Они много време-
ни проводили со своей няней Ингер, а я всё разъезжала по
больницам.

Микке молился, чтобы дети успели подрасти, прежде чем
я умру. Об этом он рассказал мне гораздо позже. Он молил-
ся, чтобы у детей сложился определённый образ мамы, что-

бы у них появился шанс как следует запомнить меня. Чтобы Оскару исполнилось, по крайней мере, девять. Но Микке знал, что требует слишком многого.

Из-за облучения у меня стали выпадать волосы. Они лезли клочьями, и особенно сильно перед Рождеством. Микке опасался, что это Рождество станет последним в нашей совместной жизни. И ведь так действительно могло случиться.

Просто мне несказанно повезло.

В январе, через полгода после того, как я узнала о диагнозе, Roxette получили медаль из рук короля.

На днях Микке сказал: наверное, они испугались, что я умру, и потому поторопились вручить эту награду. Пожалуй, он прав. Но мне было приятно, что нашу работу признали достойной. При этом было ужасно тяжело. Присутствовать на церемонии означало показаться на людях. Меня никто не видел с тех самых пор, как я заболела. И ко всему прочему, я стала ещё и лысой.

Мы с Мари Димберг принялись подыскивать мне подходящую шляпку и нашли очень неплохой вариант леопардовой расцветки.

Накануне церемонии журналист «Экспрессен» Никлас Рислунд позвонил в дверь Мари Димберг. Было поздно, и она уже легла. Никлас рассказал о том, что узнал, будто моя опухоль не прошла, а, наоборот, продолжала увеличиваться. Будто у меня метастазы в груди и во всём теле. Мари отве-

тила, что не комментирует слухи о моём здоровье – и вообще-то собирается спать. Но Никлас не сдавался и требовал, чтобы она позвонила мне и узнала, так ли это. Мари Димберг попросила его проявить хоть каплю уважения и оставить меня в покое. Он же ответил, что напишет статью в любом случае, а значит, всем будет лучше, если он добавит ещё и официальное подтверждение.

В итоге Мари Димберг вышла из себя. Они начали кричать. Никлас утверждал, что она, будучи представителем публичной личности, имеет ряд обязательств. Мари парировала: она не должна отчитываться перед ним и «Экспрессен» о состоянии моего здоровья.

А потом просто захлопнула дверь.

На следующий день Мари Димберг позвонила нам и спросила, читали ли мы «Экспрессен».

– Нет.

– И не читайте, – ответила она. – По возможности не обращайтесь внимания на эту газетёнку.

Но разве можно не заметить «Экспрессен»? По всему городу передовицы кричали о том, что всё моё тело поражено раком. Из статьи следовало лишь одно: мне осталось недолго.

Это было неправдой, и Мари Димберг выступила с опровержением. Тогдашний главный редактор «Экспрессен» Отто Шёберг сослался на «надёжные источники» в Каролинской больнице. Наша семья была в ярости.

Всё это происходило в тот самый день, когда мне должны были вручить медаль.

Не знаю, возможно ли понять чувства человека, читающего о себе нечто подобное. На глазах у всех тебе пророчат смерть, не имея на то никаких оснований. При этом и в клинике тебя тоже не способны защитить. И есть люди, которые пытаются любой ценой заработать на несчастье других. Твоя личная боль во всём мире становится приятным дополнением к кофе.

На церемонии я так разнервничалась, что, позируя перед фотографами, умудрилась взять медаль вверх ногами. Казалось, все пялились на меня, пытаюсь понять, насколько тяжело я больна. Люди во все глаза таращились на умирающую женщину, у которой, как они только что прочитали, метастазы во всём теле. Это был ужасный день.

Связываться с «Экспрессен» и обвинять издание в клевете нам совсем не хотелось. Канцлер юстиции лично подал в суд на Каролинскую клинику. Врач, который меня оперировал, позвонил нам и рассказал, как в больницу явились пятеро полицейских, чтобы обыскать его кабинет. Их визит неприятно удивил его, но, разумеется, он, как и мы, тоже хотел узнать, откуда информация просачивалась в прессу. Нарушение врачебной тайны – серьёзное преступление, за которое грозит до трёх лет лишения свободы.

Многих возмутил поступок «Экспрессен» и Отто Шёбер-

га. В «Медиажурнале»¹² это событие назвали одним из худших запрещённых приёмов в современной истории СМИ. Нас это настолько задело, что мы всё же принялись искать возможность привлечь «Экспрессен» к суду. Мы ведь ещё и детям хотели показать, что о нас нельзя писать всякое враньё просто потому, что кому-то это взбрело в голову.

Мы решили обратиться к Лейфу Силберски – известному адвокату, довольно опытному в вопросах СМИ. Оглядываясь назад, могу сказать: лучше бы он нас тогда отговорил. С юридической точки зрения нельзя осудить кого-то за аморальный поступок и не проявление сострадания к другим.

Мы всего лишь считали, что журналист не имеет права писать о смертельном диагнозе, если такового нет. Кажется, это достаточное основание для возбуждения дела, но, как выяснилось, – нет. Правда, Силберски, попытался найти хоть какую-нибудь статью в законе, чтобы помочь нам.

Он откопал старое дело, где кто-то заснял людей, занимавшихся любовью, а затем заменил их лица лицами знаменитостей. В этом прецедентном случае речь шла о выставлении человека в сомнительном свете. По его мнению, это был наш единственный шанс призвать «Экспрессен» к ответу.

В целом общение с Лейфом Силберски мы находили весьма примечательным.

На нашей первой встрече он сразу поведал нам о своей

---

¹² «Медиажурнал» – выходившая до 2006 года документальная программа, целью которой являлось исследование роли СМИ в Швеции и мире. – *Прим. пер.*

дочери. Ей вот-вот должно было исполниться сорок, и она была большой поклонницей Roxette. Поэтому он попросил какую-то вечернюю газету напечатать афишу, где женщину представляли как третью вокалистку группы. А мы с Пером должны были оставить автографы. Эта забавная выходка адвоката помогла нам пройти через один из самых тяжёлых периодов в нашей жизни.

Как будто всё это было какой-то игрой.

Итак, по мнению Лейфа Силберски, единственным шансом хоть как-то тягаться с «Экспрессен» было обвинить газету в том, что она выставила меня в неприглядном свете. На суде Микке должен был сказать следующее: увидев статью, он посчитал, будто я что-то от него скрываю. Ему предстояло сыграть роль оскорблённого супруга, подозревавшего жену в сокрытии правды о собственной болезни. И это, в свою очередь, показало бы меня человеком, которому не могли доверять работавшие со мной люди.

И вот мы у адвоката: Мари Димберг, Микке и я. И тут Микке сказал, что не сможет заявить то, о чём просит Силберски. Подобная ложь представлялась ему абсурдной, ведь наши отношения вовсе не такие. Да и глупо врать, если хочешь уличить газету именно во лжи.

Мы заплатили несколько сотен тысяч крон за попытку привлечь «Экспрессен» к суду, но в итоге решили не продолжать борьбу. Мы могли потратить не меньше пяти лет, в течение которых к этой ситуации пришлось бы возвращать-

ся снова и снова.

История с «Экспрессен» обернулась крупными расходами и оставила неприятный осадок. Мы и сегодня считаем, что бывший главный редактор Отто Шёберг нанёс нашей семье огромный ущерб – и при этом ни разу даже не попросил у нас за это прощения. Мы были ужасно растеряны, находились в отчаянии и совершенно не нуждались в том, чтобы нашу семью использовали для увеличения продаж.

В ту пору мы не знали, выживу ли я. Я старалась не думать об этом, а Микке изо всех сил пытался сжиться с этой мыслью. Но факт остаётся фактом: чёртов рак не распространился по *всему* моему телу. Микроскопический лучик надежды – вот всё, благодаря чему мы продолжали жить. Быть может, именно поэтому мы так отреагировали на ложь «Экспрессен». Эта ложь показала меня в куда более удручающем состоянии, чем было на самом деле, и у окружающих пошатнулась вера в благоприятный исход.

От этого становилось очень больно.

Даже во время болезни я не забывала о творчестве. После операции прошло совсем немного времени, а мы с Микке уже выпустили альбом «The Change»¹³. Работа над ним началась ещё до того, как я заболела, и мы даже успели записать кавер-версию на песню «The Good Life»¹⁴.

---

¹³ С англ. «Перемена». – *Прим. пер.*

¹⁴ С англ. «Прекрасная жизнь». – *Прим. пер.*

И теперь речь шла о том, чтобы вернуть свет и позитив в нашу полную трагедии жизнь.

Звукорежиссёр Леннарт Эстлунд, с которым мы сотрудничали, просто потрясающий. Мы вообще не говорили с ним о болезни, хотя Микке приходилось чуть ли не одновременно звонить врачу и следить за аккордами. Работа над альбомом стала для нас своего рода зоной свободы. Я и сегодня считаю, что эта пластинка – один из наших лучших совместных проектов. В текстах песен говорится о радости, которую испытываешь от того, что живёшь, – и это чистая правда. В непроглядной тьме нам удалось сделать светлый альбом. Один из самых депрессивных текстов – вот этот¹⁵, но в нём очень точно описаны мои чувства:

*Suddenly the change was here
Cold as ice and full of fear
There was nothing I could do
I saw slow motion pictures of me and you*

*Far away I heard you cry
My table roses slowly died
Suddenly the change was here
I took your hands, you dried my tears
The night turned into black and blue
Still we wondered why me and you
After all we're still here*

---

¹⁵ Приведён текст заглавной песни альбома – «The Change». – Прим. пер.

I held your hand, I felt no fear

*Memories will fade away
Sun will shine on a new clear day
New red roses in my hand
Maybe some day we will understand
Maybe some day we will understand*

*Вдруг пришли перемены
Полные страха и ледяного холода
Я ничего не могла изменить
Мы с тобой превратились в кадры замедленной съёмки*

*Издалеко раздавался твой плач
Розы на моём столе постепенно увядали
Вдруг пришли перемены
Я взяла твои руки в свои, а ты вытер мои слёзы
Ночь стала тёмной и печальной
Мы никак не могли понять: почему всё случилось именно
с нами?
И всё же мы по-прежнему здесь
Я держала твою руку, я ничего не боялась*

*Со временем всё потихоньку забудется
Солнце засияет, настанет новый ясный день
В моей руке появятся новые алые розы
Быть может, мы однажды сможем это понять
Быть может, мы однажды сможем это понять*

Даже сейчас мне кажется, что эти слова идеально отражают то, что я тогда чувствовала. Отчаяние, любовь, растерянность и вместе с тем огромную жажду надежды и стремление впустить в нашу жизнь хотя бы один лучик света.

Как бы плохо мне ни было, я всегда старалась сохранять своё творческое «я».

Микке заботился обо мне круглые сутки – возил меня в больницу, напоминал о рекомендациях врачей.

Новость о моей болезни распространилась по всему миру. Поклонники прислали список, в котором были собраны имена тех, кто молился о моём здоровье. Это письмо – одно из самых ценных для меня, я даже поместила его в рамочку. Оно невероятно много для меня значило.

Находились также те, кто предлагал альтернативные методы лечения. «Отправьте 20 000 долларов на этот счёт и проглотите вот этот порошок». Примерно такие были советы.

С нами даже связался некий египетский врач из китайского университета. Микке позвонил онкологу Стефану Эйнхорну узнать, что он обо всём этом думает. По словам Стефана, тот человек как-то читал лекции в Каролинской больнице, но оказался обыкновенным аферистом.

Помню, Стефан Эйнхорн попытался нас утешить и поведал о своём отце, страдавшем от рака. Ему давали не больше года, но в итоге отец Стефана даже пережил доктора, который поставил ему страшный диагноз. Стефан говорил: никогда не знаешь, сколько у тебя осталось времени. И всё-таки

подобное едва ли было утешением. Нам бы хотелось услышать, что можно выпить чудесную таблетку и излечиться. Это единственное, что было нужно.

Но Стефан хотя бы попытался заставить нас взглянуть на жизнь другими глазами. Он лишь хотел как лучше.

Мы обратились в Видарскую клинику – это антропософская больница, в которой лечат онкологию. Однако их методы напомнили нам терапию в хосписах. Пациенты в основном посвящали себя разного рода творчеству.

Тамошний врач оказался ужасным человеком. Он принялся меня отчитывать, будто я сама виновата в своей болезни. Если опухоль выросла в моём теле, то именно я несу за это ответственность. Каким-то образом я будто бы вызвала её сама. Я была сломлена. Я нуждалась в добрых людях, а он был суров и полон осуждения. Он утверждал, что я испортила свою иммунную систему, в том числе употребляя алкоголь. Ни за что не забуду его. Я никогда не испытывала такого отчаяния, как в тот день, когда слушала его монолог.

Так или иначе он выписал какой-то экстракт, который можно было получить только в местечке Йерна. За этим лекарством мы то и дело посылали такси, и каждый раз это обходилось нам в несколько тысяч крон, ведь поездка туда занимала три часа. Но в моём положении было не до капризов: делаешь то, что тебе велят.

Микке делал всё возможное – он буквально рыл носом землю. На его письменном столе лежала куча разных бумажек, которые никому не дозволялось трогать.

Он связался с онкологом из США и выслал ему мои рентгеновские снимки. Нас попросили приехать. Больница находилась в Хьюстоне, в штате Техас. Но тут я сказала твёрдое «нет». У меня просто не было сил – всё это было уже чересчур. Я просто хотела тишины и покоя, а не носиться туда-сюда.

Мы спросили совета у Стефана Эйнхорна. Он сказал: либо мы ищем альтернативное средство – а именно этим и занимается Микке, – либо сидим и ждём. И тот и другой вариант может оказаться правильным. По его мнению, в Швеции лечение онкологии находится на очень высоком уровне, так что мы вполне могли остаться дома.

Именно тогда мы приняли важное решение: мы целиком и полностью доверимся шведским специалистам. Чудесное решение. После него сразу стало как-то спокойнее.

Микке пытался подготовить меня к смерти. Он, например, никак не мог добиться ответа на вопрос, какие я хочу похороны: желая выстроить вокруг себя стену и защититься от внешнего мира, я отрицала самую вероятность подобного исхода.

Микке связался с клиникой Эрстагорден: мы вместе ходили туда на сеансы терапии и слушали, как справиться с потерей члена семьи. Мы долго беседовали, но я отказывалась

принимать тот факт, что речь, по сути, идёт обо мне.

Микке также позвонил священнику из Эстра-Юнгбю, который проводил для меня церемонию конфирмации, а затем венчал нас с Микке и крестил наших детей. Священник был добрым и понимающим человеком. Он приехал сюда, к нам домой. В момент встречи с ним я по большей части лишь плакала и не понимала – или же не хотела понимать, – о чём все пытались со мной поговорить. Микке и так и эдак старался выудить информацию о том, как меня похоронить. Например, рассказывал, как он сам хотел бы быть похоронен, а потом будто невзначай спрашивал, что думаю я.

Как же ужасно всё это вспоминать!

С тех пор прошло больше тринадцати лет. А ведь знаете, только сейчас я могу произнести: «опухоль мозга»!

Я долго не могла сказать это. Несколько лет я находилась в состоянии шока и печали. Я не могла принять собственную болезнь, хотя постепенно и начинала её осознавать. Я не хотела это обсуждать. Будто бы ничего такого нет, пока я об этом не заявлю. Осознание возможности собственного конца приходило ко мне лишь на мгновения, ночью, когда я оставалась наедине со своими мыслями.

Но в глазах других мне хотелось выглядеть человеком, которого не касаются ни болезнь, ни смерть. Наверное, со стороны это походило на попытку скрыть очевидное – так ска-

зять, «утаить слона в комнате»¹⁶. Я притворялась, будто дела идут отлично, но все понимали: на самом деле это далеко не так.

Сейчас я могу говорить о тех днях, и это чрезвычайно важно для меня. Печаль вырвалась наружу. Прежде она неподвижно сидела в нас. Сегодня мы с Микке, к счастью, способны открыто обсуждать мою болезнь. Но на то, чтобы её принять, ушло время. Мне потребовалось слишком много времени, чтобы просто осознать, что я больна. Поэтому я и хочу рассказать об этом в моей книге. Хочу, чтобы другие узнали, каково это. Быть может, кто-то найдёт здесь надежду или утешение.

---

¹⁶ «Утаить слона в комнате» – делать вид, что не замечаешь очевидное. – *Прим. ред.*

Хельсингборг. Среда, 1 февраля 2014 года. Возвращение к истокам

УЖЕ ДОВОЛЬНО ПОЗДНО, и я сижу в ресторане отеля «Марина Плаза» города Хельсингборга и жду Мари и Микке, чтобы отпраздновать с ними первый концерт сольного турне – первого с момента начала болезни Мари.

Наша ночная закуска – бутерброды с креветками и холодное белое вино. Я не одна. Мари ждут также Тумас Юханссон и Стаффан Хольм из компании «Live Nation», Мари Димберг и Чель Андерссон – один из бывших руководителей «ЕМІ», работавший там в 1980-х, когда Мари только-только завоевала популярность. А ещё здесь друзья Мари Пер Ларссон и Кристиан Берг.

Все в ожидании. Всем хочется обнять и поздравить Мари. У неё получилось! А сколько было сомнений и тревог перед премьерой. Да и сама Мари изрядно нервничала. Подумать только: одна на сцене! Нога не слушается, трудно держать равновесие. Справится ли она?

Да. Публика приняла её очень тепло. «Мы любим тебя, Мари!» – кричали поклонники, прибывшие из самых разных уголков мира.

«Мы любим тебя!»

Они сидят в другом конце ресторана, надеясь хотя бы

мельком увидеть своего кумира. Они приехали из Дании, Голландии, Аргентины, Испании – одним словом, со всего света. Чуть раньше я спросила, почему они проделали весь этот путь лишь ради того, чтобы оказаться на премьере и услышать песни на языке, которого не понимают. Ответы примерно одинаковы. Голос Мари трогает до глубины души. Никто из них не говорит по-шведски, но все как один утверждают, что знают, о чём она поёт. О чувствах. По их словам, ни один человек в мире не способен передать чувства так, как она.

Фанаты знают наизусть почти весь классический репертуар Мари: «Tro», «Ännu doftar kärlek», «Om du såg mig nu», «Sjunde vågen», «Efter stormen» и «Sparvöga»¹⁷.

Но им понравился и новый альбом «Nu!» Сегодня Мари исполнила и некоторые песни из него, включая «Kom vila hos mig» и «Sommarens sista vals», написанную ею самой.

И вот поклонники сидят за столиками, заказав напитки и время от времени бросая взгляд в ту сторону, откуда, по их мнению, должна появиться Мари.

Это турне до последнего оставалось под большим вопросом. Сама Мари говорит, что попросту решила пойти ва-банк. Доказать себе и миру, что сможет вернуться. Она сделала это ради себя. Ради любви к своим старым песням. Ра-

---

¹⁷ Со швед. «Вера», «Любовь по-прежнему благоухает», «Если бы ты только видел меня сейчас», «Седьмая волна», «После бури», «Воробыиный глаз». – *Прим. пер.*

ди счастья исполнить новые. Ради встречи со своей шведской аудиторией, которой долгое время жертвовала, отдавая предпочтение Roxette.

Сначала Микке воспринял решение Мари весьма скептически. Он считал, что ей надо поберечь силы для подготовки к большому мировому турне Roxette, запланированному на конец октября. Но, увидев, насколько важным всё это казалось Мари, он поддержал её и выступил в роли клавишника. Остальные музыканты на сцене тоже были из тех, кто заслужил абсолютное доверие Мари. На ударных – Пелле Альсинг из Roxette. Гитарист – Кристофер Лундквист, который также выступал с Roxette и который, кроме того, продюсировал альбом «Nu!» вместе с Микке. Второй гитарист – племянник Мари Юкке Петтерссон. И, наконец, новый знакомый – басист Сурьо Бенич.

Мари постоянно говорит о том, как ей нравятся эти музыканты. Как они поддерживают её, подбадривают, верят в неё и утешают, если это необходимо.

Перед турне возникла и ещё одна непростая задача: выучить старые тексты. Из-за болезни подобное теперь давалось Мари очень нелегко. Она стала свидетельницей безграничного терпения собственного сына Оскара. Строфа за строфой, строчка за строчкой – ей приходилось работать буквально над каждым словом. В памяти крепко сидела только одна песня: «Ännu doftar kärlek».

– Она будет со мной до конца, – утверждает Мари. – Цветы и любовь; такое невозможно забыть!

О приближении Мари говорят гул, который поднялся среди её иностранных поклонников, и аплодисменты. Концерт кончился два часа назад, и вот она наконец появляется. В её глазах читается усталость, но на лице сияет широкая счастливая улыбка. Она идёт очень медленно, опираясь на Микке.

Что она чувствует? Облегчение? Радость?

– О да, несомненно! – отвечает она. – Потрясающе! Какая публика!

Столь позднее появление Мари на собственной вечеринке по случаю премьерного концерта связано с бесконечными объятиями и поцелуями, которыми всё это время одаривали её близкие и друзья, приехавшие из провинции Сконе. Все они были на концерте, а потом отправились за кулисы поздравить Мари. В родных краях она бывает нечасто. Иногда она отправляется в деревушку Эстра-Юнгбю, где провела детство и где сегодня проживает её старший брат Свен-Арне со своей супругой. Они живут рядом с тем домом, где выросла Мари. Время от времени она приезжает и в Рюдебэк к своей сестре Тине и её семье.

Мари присаживается, и на столе тут же оказываются бутерброды с креветками. Мы поднимаем бокалы за удачное начало турне. Впереди два месяца выступлений по всей стране. Мари ворчит о том, что некоторые вещи стоило бы сделать по-другому, немного улучшить.

Да, она чувствует облегчение и радость, но нельзя сказать, что довольна на все сто. И всё-таки это обычное дело для гастролей. Она готова обсуждать все ошибки, сколь несущественными они бы ни казались.

Но главное – она похожа на пылающий камин, зажжённый любовью людей из прошлого, которые сегодня собрались рядом с ней.

В её детстве это были самые близкие ей люди.

О детстве она рассказывает так же, как и обо всём остальном в жизни: оно полно ярких контрастов. Свет, тепло, любовь. Но вместе с тем и темнота, страх и трагедия.

«Я хотела увидеть всё – весь мир!» Рассказ Мари

Я ВЫРОСЛА В ЭСТРА-ЮНГБЮ, в северо-западной части Сконе. Это крошечное местечко рядом с шоссе, соединяющим Осторп и Эркельюнг, в тридцати километрах от Хельсингборга.

Что в нём было примечательного? Немногое. О, я помню чудесного добродушного парня, который продавал хот-доги. У меня не было денег, но он всё равно меня угощал. Ещё было два продовольственных магазина, цветочный, табачная лавка и три кафе. Церковь. Стадион. Часто дули сильные ветры, и было очень холодно. Ветер буквально завывал над плоскими равнинами.

Вот так можно вкратце описать Эстра-Юнгбю.

Сегодня я понимаю: кирпичный дом, в котором мы жили, на самом деле очень маленький. Но когда мне было четыре года и мы только-только в него переехали, он казался большим и роскошным.

Наш переезд – одно из моих самых первых воспоминаний. Никогда этого не забуду. Какое потрясающее ощущение: въехать в собственный дом. В нём была ванная комната! Там, где мы жили до этого, в туалет приходилось ходить на улицу, а в доме была только холодная вода. Нас с сест-

рой Тиной так распирало от счастья, что мы тут же принялись скакать по родительской кровати. Всё выглядело новым и красивым.

Но вообще-то дом, как я уже сказала, не был таким уж большим. Родители, моя старшая сестра Тина и я спали в одной комнате. В другой расположились сёстры Анна-Лиса и Улла-Бритт. Брату Свену-Арне досталась отдельная комната. Всего в доме было три спальни.

В нашей большой семье у всех двойные имена. В то время так было принято. Я – Гун-Мари, Тина – Инга-Стина, остальные – Свен-Арне, Улла-Бритт и Анна-Лиса. Мою подружку звали Эва-Карин. Когда мы с Тиной подросли, то избавились от второго имени. Но в детстве ко мне все обращались как к Гун-Мари, даже в школе. Или же называли Гунсан, Майсан или просто Гун. Позже я сама решила, что хочу, чтобы меня звали Мари.

Свен-Арне родился в 1942-м, Анна-Лиса – в 1945-м, Улла-Бритт – в 1947-м. Все они намного старше нас с Тиной: мы появились на свет в 1955-м и 1958-м. Тина была поздним ребёнком и привыкла, что к ней относились как к самой младшей в семье. Когда родилась я, она радовалась: у неё самой появилась младшая сестрёнка. Но позже всё изменилось. Мы много времени проводили вместе и так сдружились, что до сих пор очень близки. Когда я училась в начальной школе, старшие братья и сёстры уехали из дома, так что мы с Тиной остались единственными детьми в доме.

До переезда в Эстра-Юнгбю мы жили в небольшом местечке в Эсшё. Там-то я и родилась в 1958-м. Наш отец Йоста владел хозяйством, но параллельно занимался ещё и фермой деда – немощного вдовца. А потом случились паводки и неурожайные годы. Йосте понадобился кредит. Для этого двое его родственников выступили поручителями. Становилось всё труднее. В итоге родня выплатила залог, и тут начались разногласия. Банкротство сильно ударило по нашей семье. Свен-Арне вспоминает, как забирали коров, а Улла-Бритт – как молоток ударял по столу каждый раз, когда продавалась какая-то часть дома.

Этого я совсем не помню.

Нам пришлось снять тесный домишко, в котором постоянно гуляли сквозняки и не было горячей воды. Там я провела первые годы жизни. Я часто мёрзла. Когда отец увидел, что мои пальцы настолько заledenели, что у меня не получается вырезать бумажных кукол, то твёрдо решил: нам нужно новое жильё.

Так мы оказались в Эстра-Юнгбю. Свен-Арне и Анна-Лиса уже выросли, начали работать и стали помогать семье.

Мы снова обрели надежду на светлое будущее. Отец устроился сельским почтальоном и иногда позволял мне возить почту вместе с ним. Как же я это обожала! Мы пели в дороге, и я помню, что всегда стояла в машине. Я была такой любопытной, хотела увидеть всё – весь мир. Если я не пела, то болтала без умолку. Меня даже прозвали болтушкой.

А ещё в детстве я совсем не могла сидеть на месте. Всегда бегала играть на улицу и уже ранней весной коричневела на солнце, как имбирное печенье.

Я просто фонтанировала энергией. «Чем бы заняться? Что бы поделаться?» – ныла я. Отец всегда отвечал одинаково.

– Пробепись вокруг дома.

– Сделано! Что теперь?

– Пробепись ещё разок.

Папа Йоста превосходно пел. В точности как Юсси Бьёрлинг¹⁸. Музыка была смыслом его жизни. Он умел играть на нескольких инструментах. Если бы обстоятельства сложились иначе, он мог бы стать оперным певцом. Но, думаю, он и не мечтал о том, чтобы взлететь так высоко.

Все девочки в нашей семье тоже пели. Пением не интересовались только мама Инес и мой брат Свен-Арне. Но Свен-Арне по большей части просто стеснялся.

Порой мы приставали к маме. Было забавно подтрунивать над ней:

– Давай, мама, спой что-нибудь, а мы послушаем.

– Там-тиридам, – отвечала она. – Вот, спела.

Но все мои сёстры пели. Для нашей семьи музыка значила необычайно много. Отцу всегда хотелось играть и петь, а мы, дети, подпевали. А ещё он нас научил танцевать старинный шведский народный танец хамбу и шотиш.

---

¹⁸ Юсси Бьёрлинг – шведский оперный певец. – *Прим. пер.*

Мы часто бывали в церкви и пели в хоре. Тамошнего кантора звали Бенгт-Йоран Йоранссон. Он был невероятно талантлив, и мы ходили в его детский хор. Когда моя сестра Улла-Бритт в 1970 году выходила замуж за датчанина Йеспера, Бенгт-Йоран разучил со мной и Тиной оду «К радости» Бетховена. Говорят, у всех присутствовавших на свадьбе глаза были на мокром месте. Неудивительно.

Я была жаворонком и всегда просыпалась спозаранку. Будила сестру Тину, лёжа в постели и громко напевая какую-нибудь песню. Я называла это оперным пением. Громкие арии. Тину это ужасно бесило.

– Заткнись, я хочу спать! – кричала она.

Но я не могла остановиться. Мне всё время хотелось петь. И сейчас тоже хочется. Микке и дети уже привыкли к этому.

Зарботки давались моим родителям нелегко. Иногда мы ели «молочный суп». Я и сейчас с трудом произношу эти слова – меня просто тошнит. Вы даже не представляете, как я его ненавидела. В подогретое молоко добавляли немного сахара и корицы и заедают всё это старым хлебом. Фрукты нам давали только на Рождество – в другое время на них просто не хватало средств. А если в доме появлялся банан, то нам доставалась лишь половинка. Сырные корки не выбрасывали, а тёрли и потом в получившуюся крошку макали бутерброд.

Это всё не только потому, что у нас было мало денег. В

те времена люди в целом старались экономить – не то что в наши дни.

Дома родители шили детские вещи для одной из компаний, которая торговала одеждой. Мы садились в машину, ехали в Хельсингборг и отдавали всё, что сделали. Помню, отец просто сходил с ума от того, что я не сидела спокойно, а вечно пинала переднее сиденье. По пути он не выпускал изо рта сигарету, а нас с Тиной укачивало. Но было в этих поездках и нечто захватывающее. Иногда мы садились на паром и доезжали до Хельсингёра – там были дешевле продукты. И тогда нам покупали ещё и по рожку мороженого со сливками и джемом – потрясающий вкус!

Пошив детской одежды не приносил большого дохода. Мама устроилась на завод по производству варенья в Бьёрнекулле, где работала посменно. Мы с Тиной немного этого стеснялись – почти у всех друзей мамы были домохозяйками. А наша каждую вторую неделю работала по вечерам и только утром могла уделить нам немного времени. Следующую неделю нам и вовсе приходилось заботиться о себе самими. Иногда у нас не было хлеба, иногда – денег.

Мне было шесть, когда мама устроилась на работу. Помню, как я лежала под столом и тряслась от страха. Я пряталась, потому что мне постоянно мерещились какие-то звуки. Я испытывала стресс. Как это было ужасно: лежать там и бояться. Я не чувствовала себя в безопасности, а просто ждала,

когда отец закончит развозить почту и вернётся домой. Но, приходя домой, он хотел только одного: спать.

Я никогда не любила одиночество. Думаю, корни этой нелюбви следует искать в моём детстве, когда я вынужденно сидела дома без взрослых. Такое не проходит бесследно. Сейчас, правда, мне иногда хочется побыть одной – лишь бы знать, что вечером кто-то придёт домой. Этого вполне достаточно. Но если бы из моей жизни исчез Микке, мне бы пришлось нелегко. Я ведь выросла в большой семье. Для нас одиночество казалось чем-то неестественным. В то время рядом постоянно находились люди.

Каждую вторую неделю мама оставалась дома по утрам и готовила завтрак. Она пекла чудесное печенье. Очень важно вспоминать и что-то приятное. Вот, например, день отцовской зарплаты: нам всегда доставалось что-то вкусненькое. Я обожала эти дни.

Мы не голодали, но донашивали одежду друг друга и мечтали о том, как будем «покупать вещи». Как-то мы заказали одежду по каталогу «Элос», это было так здорово! А ещё на фабрике маме выдавали консервы, если на банке обнаруживали неверную этикетку или ещё какую-нибудь ошибку. И мы всё это съедали. На Рождество покупали половину свиной туши. А каждое воскресенье у нас был хороший ужин с куском мяса и десерт из крошек печенья, взбитых сливок и джема. Настоящий праздник!

11 декабря 1965 года, когда мне было семь, произошла трагедия, навсегда изменившая жизнь нашей семьи.

В те годы мы учились не только в будни, но и по субботам. У меня был маленький велосипед, на котором я поехала в школу. Было скользко и слякотно. Шёл дождь со снегом. Но у нас не было выбора: либо едешь на велосипеде, либо идёшь пешком, а путь был неблизкий. И вот я наконец оказалась на школьном дворе, и ко мне вдруг подошёл парень постарше.

– Слушай, говорят, у тебя сестра умерла!

Я была в шоке.

– Не говори так, это неправда!

– Правда. Все об этом болтают.

Я помчалась домой. Я падала, поднималась, снова крутила педали и опять падала. Было ужасно скользко, а я волновалась, и мне было очень страшно. Это воспоминание крепко засело в памяти: я постоянно падаю.

Я наконец добралась домой и увидела старшего брата Свена-Арне. Он был весь в слезах.

– Ты слышала, что произошло? – поинтересовался он.

Я пошла на кухню. Там все плакали. Только что на поезде приехала Улла-Бритт. Мы собрались вместе.

– Неужели Анна-Лиса умерла? – спросила я.

– Да, – ответила мама. – И она больше не придёт.

Анна-Лиса ехала в Клиппан, чтобы купить платье.

В канун Нового года она должна была обручиться со сво-

им парнем Ингемаром, и ей хотелось быть особенно нарядной. С ней поехала её лучшая подруга Сив. Анна-Лиса сидела за рулём, Сив – рядом. На гололёде машину занесло, и она врезалась в молоковоз. Анна-Лиса погибла мгновенно. Сив выжила, но сильно пострадала. Водитель цистерны знал Анну-Лису. Он был просто раздавлен случившимся. Ужасная трагедия. Эстра-Юнгбю – крошечная деревушка, и это несчастье обсуждали абсолютно все.

За день до катастрофы отец чинил машину Анны-Лисы, чтобы та снова смогла сесть за руль. Потому-то он и начал винить в произошедшем себя и никак не мог оправиться от потрясения. Он был не в себе. Мне было всего семь, но я до сих пор помню, что в те дни только и слышала папин крик и плач. Иногда он кричал ещё и по ночам. Мы даже просыпались от этого. Жуткое время. Я была ещё ребёнком и просто не могла всего этого понять.

Помню похороны. Много внимания уделялось одежде. Нас с Тиной считали слишком маленькими, поэтому нас не одели в чёрное – мы пошли в тёмно-синих пиджаках. Есть фотография, где мы стоим в этих пиджаках и держим цветы. В день похорон шёл снег. Отец был в высокой шляпе, а лица женщин закрывали тёмные вуали. Мне казалось, что эти вуали просто ужасны.

– Зачем они вам? – спрашивала я и плакала. А ещё я помню, как мы смотрели в яму, куда опускали гроб.

Потом при церкви подавали кофе. Священник – чудесный

человек по имени Карл Грик – попытался отвлечь нас, детей, и поговорить с нами о чём-то другом. Мы даже смеялись. Это было очень кстати, ведь нам было невообразимо страшно.

Потом всё было как во сне. Жутко холодная зима, это я помню. Мы с друзьями стояли на улице в нашей деревне, и всё вокруг казалось каким-то странным и ужасным. Тишина, холод и пустота.

Смерть Анны-Лисы потрясла всю нашу семью. В мгновение ока мои родители постарели лет на десять. Их волосы сидели чуть ли не на глазах. Особенно папины. Он был разбит.

Горе нашего отца стало всепоглощающим. Мать ушла в себя. Со дня похорон я не видела, чтобы она плакала. Мои старшие сёстры и брат рассказывали, как она сокрушалась, что накануне трагедии отругала Анну-Лису. Мы с Тиной мылись, а Анна-Лиса дурачилась с нами и залила всю ванную. Тогда мама разозлилась, а теперь лишь повторяла: «Почему я не разрешила им наиграться? Это ведь была всего лишь вода, такая мелочь!»

Иногда она говорила что-то вроде: «Пусть дети делают, что хотят. Никто не знает, будет ли у них такая возможность завтра». Она считала, что ничего нельзя откладывать: мог настать момент, когда уже слишком поздно.

Ещё до этой трагедии у Йосты, моего отца, появились проблемы с алкоголем, но теперь он начал пить ещё больше. Он не мог спокойно смотреть на фотографии Анны-Лисы. Мама убрала все её изображения, чтобы хоть как-то помочь. Ни-

что не должно было напоминать ему о дочери.

Мне же, напротив, хотелось смотреть на снимки и не забывать сестру, но это запрещалось. Нельзя было даже произносить её имя. Ни фотографий, ни разговоров. Мы делали вид, будто её вообще никогда не существовало.

Но ведь детям надо всё обсуждать! Умерла моя любимая старшая сестра – и почему-то о ней нельзя было думать. Это же ненормально. Мы впервые смогли открыто говорить о смерти Анны-Лисы лишь спустя несколько лет после трагедии.

Сегодня мне нравится разглядывать фотографии сестры. Я ведь в детстве так мало её видела. Помню, как Улла-Бритт и Анна-Лиса собирались на субботние танцы, как они красились и наряжались. Казалось, это так круто. У них были накрахмаленные юбки из тюля, такие прикольные. Жаль, что у меня осталось так мало воспоминаний.

Отец плакал, пил и курил в подвале. Помню, как я иногда спускалась к нему и спрашивала: «Пап, что ты делаешь?»

Он сразу пытался вытереть слёзы. Мы садились и болтали о том о сём. В основном о музыке. У него всегда была с собой скрипка.

Йоста был полностью раздавлен, и нашей целью стало вернуть его к жизни. Он радовался, когда мы с Тиной пели что-нибудь на два голоса. Это немного утешало его.

Нам с Тиной музыка тоже очень помогала. Мы ходили в воскресную школу и пели там. Помню, в первое Рождество

после трагедии именно выступление в хоре несколько успокоило нас. Мы испытали облегчение.

А ещё о смерти Анны-Лисы я могла поговорить с Гертти – женой старшего брата Свена-Арне. Мы с ней были очень близки. Она рано вошла в нашу семью: я была совсем крохой, когда они со Свеном-Арне поженились. Она любит рассказывать, как, увидев её впервые, я тут же спросила: «Почему у тебя такой маленький рот?» Вот вам ещё один пример моей детской беззастенчивости. Я была очень прямолинейной.

Тина часто отмечает, что в нашей семье привыкли к объятиям только после смерти Анны-Лисы. Пусть мы и не говорили об этом – но появилась какая-то сплочённость. То, о чём мы раньше спорили, стало казаться пустяками.

Мама теперь старалась всячески заботиться о нас, не обращая внимания на собственную боль. Порой мне кажется, что именно поэтому у неё и развилась болезнь Паркинсона, когда ей было всего сорок восемь.

Мы с Тиной, пытаюсь справиться с горем, тоже замкнулись. Мы много мечтали и фантазировали. У меня в детстве было богатое воображение, и я погружалась в мир грёз. Я представляла себя знаменитостью, а Улла-Бритт выступала в роли журналиста, держащего вместо микрофона конец скакалки:

– Как вас зовут?

– Гун-Мари Фредрикссон.

– Где вы живёте?

– В Эстра-Юнгбю, почтовый ящик 57.

В моём воображении до меня никто не мог добраться. В нём я была абсолютно свободна, и всё было просто прекрасно. Я обожала этот мир. Мы с Тиной много чего придумывали и играли во всё, что только можно себе представить. Тот большой мир, о котором в Эстра-Юнгбю совсем ничего не напоминало, мы видели только по телевизору. Но осознание того, что где-то существует другая жизнь, скрашивало наши дни.

Первая настоящая подружка у меня появилась в подростковом возрасте. Её звали Черстин, и мы часто играли в почту, одалживая для этого какие-то вещицы у папы. Иногда мы приглашали Тину и играли в «духа в бутылке». Мы составляли табличку с разными цифрами и буквами, потом нагревали свечкой стакан, клали на него указательный и средний пальцы и задавали вопрос. Спрашивали о парнях или о каких-нибудь магических штуках. Стакан сам передвигался между буквами и цифрами. Ну, или нам просто этого хотелось.

У нас так легко получалось всему верить! Как-то раз стакан упал на пол, и мы даже завизжали от страха.

У Черстин был самый чудесный смех на свете. Стоило ей засмеяться – и мне тут же становилось радостно. Сейчас этого смеха очень не хватает.

Моего отца в общем-то можно назвать добрым человеком, но у него была тяжёлая жизнь. Он разругался с родными после банкротства и всё время испытывал финансовые трудности. К тому же в семье было много детей, и папе с мамой приходилось из кожи вон лезть, чтобы прокормить нас. Денег постоянно не хватало. А тут ещё боль от утраты Анны-Лисы.

В детстве я очень стеснялась пьянства, занудства и сварливости отца. Маме тоже было от всего этого не по себе. Она часто говорила: «Закончили, давай больше не будем, всё уже хорошо», – и делала вид, будто ничего не случилось. Ей было стыдно. В крошечной деревушке все обо всех всё знали. Чёрт, сколько же слухов и сплетен! Соседи вечно говорили гадости друг о друге.

Когда отец пил, его поведение сложно было предсказать. Иногда он превращался в весёлого музыканта, а иногда становился злым, ходил и ворчал. В такие моменты под горячую руку попадала мама – всё-то она делала не так. Нам, детям, было неприятно постоянно слышать о том, какая она недоёпа. Когда мы с Тиной ложились спать, до нас часто доносились пьяные речи отца: Боже мой, как мы тогда хотели, чтобы скорее настало утро! А летними вечерами мы нередко играли в бадминтон до тех пор, пока не темнело настолько, что уже было невозможно различить воланчик. Мы просто-напросто не желали идти домой, когда отец был пьян, ругался и хлопал дверьми.

Я любила отца. Но, выпив, он начинал говорить ужасные вещи. Свою злобу он вымещал на маме. Это было невыносимо, и мы плакали. Мы ведь знали, что он не такой! На самом деле он другой! Мой милый папочка умел шутить и играть!

Инес старалась не обострять отношения. Иногда она могла сказать что-то вроде: «Замолчи!» – но не помню, чтобы она сильно огрызалась. Просто ждала, пока всё закончится. Сводила всё на нет. Отец хлопал дверьми, а потом спускался в подвал и играл на скрипке. Так было по выходным. На неделе он не пил.

Мама у нас была просто необыкновенной. Не понимаю, как она всё это выдерживала. Ей приходилось заботиться о том, чтобы нам хватало денег на еду, – алкоголь ведь тоже не доставался даром. Мне кажется, из-за этого она переживала больше всего: вдруг отец потратит все деньги на выпивку?

Иногда я спрашиваю себя: что с нами тогда случилось? Мы притворялись, будто ничего не происходит, будто бы раз – и всё опять прекрасно. В нас поселилась мысль о том, что именно мы должны сделать так, чтобы всем вокруг было хорошо. Вот, сейчас споём весёлую песенку – и всё вернётся на круги своя. Тина до сих пор считает, что мне бы не помешало хотя бы пару раз выйти из себя.

Когда мы познакомились с Микке, он заметил, что я рассказываю о детстве, словно пытаюсь от него дистанцироваться. Например, я говорила о смерти Анны-Лисы так, будто мне до этого не было никакого дела, будто меня это совсем

не трогало. Микке убеждал меня не бояться эмоционально вернуться в те годы. За это я ему очень благодарна. Я смогла стать более целостной натурой. Мне больше не надо куда-то бежать, словно меня преследует какая-то темнота или беспокойство.

Но юные годы и впрямь оставили свой отпечаток на моём характере: мне просто жизненно необходимо видеть, что у всех всё хорошо. Никто не должен ругаться или огорчаться. Помню, мы завели кошку Миссан. Я тогда была совсем маленькой, но мне всё равно приспичило вмешаться в её драку с другим котом. Мне так хотелось, чтобы они дружили, но меня только расцарапали до крови.

Сегодня мы чаще говорим о том, что раньше пытались скрыть. И я поняла: многое переживать гораздо легче, если делиться чувствами с другими. В такие моменты одиночество отступает.

Но сделать это бывает непросто. Как будто что-то внутри меня сопротивляется. В этой книге я очень откровенно рассказываю о своём детстве, но каждый раз по-прежнему колеблюсь.

Дело тут вовсе не в стыде. Его я поборолa. Бедность, алкоголизм – разве надо стыдиться того, что через это пришлось пройти?

Но мне совсем не хочется, чтобы моё детство кому-то показалось сущим адом. Мы росли как обычные дети, смеялись, пели и играли. И прекрасно себя ощущали, потому

что мы были друг у друга. В моей памяти сохранилась картина замечательной семьи. В нашем доме жила любовь. К нам часто приходили друзья, ведь всех принимали очень тепло. Мама всегда была приветлива: «Заходите, добро пожаловать!» — и вот в нашем крошечном домишке уже как-то помещались двадцать человек. Красивых ценных вещей, которые могли разбиться, у нас не было, поэтому в доме никогда не царила эдакая атмосфера чопорности. Гости расслаблялись, чувствовали себя свободными. Мы были рады каждому. Мама пекла булочки или готовила что-нибудь, чтобы никто не ушёл голодным. Да и к нам родители относились с большим трепетом и всегда прислушивались к нашему мнению.

А уж о музыкальной жизни я вообще вспоминаю с невероятной теплотой. Музыка нас объединяла, радовала, была нашим «местом встречи» друг с другом. Во всём том ужасе, который нас окружал, порой удавалось веселиться. Папа Йоста бывал очень классным. Как и мой старший брат Свен-Арне. Отец соорудил на чердаке местечко, где мы с Тинной могли уединяться. Туда можно было приглашать друзей и втайне покуривать сигареты «Prince» в красной пачке — их мы таскали у папы. У нас был особый приём: мы как заправские воришки слегка подминали пачку, чтобы преступление не слишком бросалось в глаза. Чердак располагался прямо над кухней, и если мама считала, что музыка играет слишком громко, то колотила по потолку рукояткой метлы.

Уже в 1966-м папа купил магнитофон «Tandberg», и мы записывали на него песни, звучавшие в программе «Десятка лучших», а ещё – наши собственные песни и театральные представления.

Когда я училась в начальной школе, отец взял напрокат пианино. Оно было совсем маленькое, и в нём даже не было всех октав. По-моему, настоящее пианино «Schimmel» он приобрёл только году в 1968-м – купил в рассрочку. Потом родители много лет выплачивали деньги, и я знаю, как нелегко им порой было вовремя наскрести нужную сумму.

Появление этого пианино в доме стало для нас с Тиной удивительным и необычайно важным событием. С его помощью мы тренировали музыкальный слух. Мы часто играли на нём песни «Битлз» или мелодии, которые мы слышали по радио и которым подпевали. Зачастую наш английский оставлял желать лучшего. Тина всегда придерживалась нот, а я любила импровизировать. Первую песню я сочинила в возрасте пяти или шести лет. Что-то про упавшую серую птичку. К сожалению, из-за болезни я её уже не помню. Но в детстве и юности я часто исполняла песни, которые придумывала сама.

С самого детства я находила утешение не только в музыке, но и в природе. Всегда любила животных, птиц, море и собирать цветы. Почти совсем не помню игрушки, но зато помню, как много времени я проводила на улице и что там

делала. Мама обожала сад. Она уделяла ему каждую свободную минуту, и всё цвело пышным цветом. Видимо, любовь к цветам я унаследовала именно от мамы.

А ещё мне в жизни помогала лёгкость в общении. Я всегда без труда находила друзей. Никого не стеснялась, меня даже частенько называли душой компании.

Для меня очень много значил сын Свена-Арне Тони. Он на шесть лет младше, и родители считали, что я вполне могу стать ему кем-то вроде няни. Но по вечерам мы вместе сидели съёжившись и смотрели ужастики. Сами себя пугали. Мы были очень близки. И похожи. Оба такие чувствительные. Мы всегда начинали реветь над печальными сценами в фильмах, да и сегодня нередко плачем при встрече. Когда я заболела, Тони оказал мне невероятную поддержку. Он так переживал. Между нами точно есть какая-то невидимая связь, мы полностью открыты друг для друга, тонко ощущаем чувства и эмоции.

У меня вечно глаза на мокром месте, и Тину это всегда жутко раздражало. Помню, однажды мы были в гостях у сестры Уллы-Бритт, которая на одиннадцать лет старше меня и очень рано переехала в Данию. Мы с Тиной были тогда подростками и прожили у сестры целый месяц. Потом попрощались на перроне, и я рыдала всю дорогу домой. Тина не выдержала: «Неужели стоит столько реветь?» Но я такая. У меня все чувства на поверхности. То смех, то слёзы. Наши друзья тоже замечали разницу между нами. Креативная Ма-

ри и уравновешенная Тина. Тина была спокойной, а я вечно во что-то влипала.

Слёзы всегда выручали меня в трудную минуту, помогали понять собственные чувства. Взять, скажем, опухоль. Именно слёзы подарили мне облегчение. Когда я была ребёнком, мне нередко приходилось думать о чём-то другом и демонстрировать радость. А слёзы я научилась использовать как своеобразный клапан.

В детстве я, с одной стороны, была очень отважной, а с другой – постоянно чего-то боялась и о чём-то печалилась. Настроение менялось ежесекундно. Во мне существовали две крайности, и каким-то невероятным образом они обе прекрасно уживались в моей душе.

Кстати, я по-прежнему такая!

Первые три года в школе у меня была замечательная добрая учительница, а вот в четвёртом классе пришла злая и вредная. Я любила школу, особенно уроки математики, но из-за этой женщины всё превратилось в настоящий ад. «Ты лентяйка», – говорила она мне, когда я что-то упускала. Из-за неё я окончательно утратила веру в себя. Казалось, я ни на что не гожусь, и с каждым днём ситуация лишь усугублялась. Я до сих пор помню её слова: «Бестолковая лентяйка». Это прекрасный пример того, насколько важно в детстве получать хоть какое-то одобрение. Как же легко перестать чего-то желать и верить в свои силы!

С уроками, особенно с математикой, которая казалась

ужасно трудной, мне помогала Тина. Иногда, если я слишком уставала, Тина просто вписывала в мою тетрадь правильные ответы. Мы даже не задумывались о том, что она писала девятку совсем не так, как я. Но учительница, к сожалению, в конце концов заметила другой почерк и отругала меня. Боже, как было стыдно!

Когда я росла, дух времени был совсем другим. С детьми обращались не так, как сегодня. Например, дома их вполне могли побить. Некоторых моих друзей изрядно поколачивали. В нашей семье особенно строгой была мама. Получать оплеухи нам, конечно, не нравилось, но было не привыкать. Мать могла даже вклепить затрещину кулаком, если сильно злилась. Но вместе с тем она проявляла исключительную доброту.

Папа наказал меня лишь однажды. Мне было лет семь-восемь, и я играла с друзьями на улице. Вся измазалась, с головы до ног, и отец вышел из себя. Я страшно перепугалась, забежала в дом и понеслась в свою комнату. Он бросился за мной и ударил – невероятно сильно, как могут только мужчины. Вот уж мне досталось! Но потом он так об этом жалел! Он просил прощения и был просто в отчаянии.

В моей жизни родители исполняли разные роли. Отец был музыкантом: он пел, играл на баяне или скрипке. Мать занималась хозяйством. Она заведовала семейным бюджетом и следила, чтобы денег хватало на еду и одежду. Папа нередко относился к финансам слегка легкомысленно. Он говорил:

«Всё уладится». Когда Тине или мне нужны были деньги, мы всегда шли к отцу. Если они у него были, он делился с нами. Из-за этого Инес жутко на него злилась. Думаю, именно на её плечах лежала ответственность за то, чтобы нам не пришлось жить в долг. Деньги на ведение хозяйства она хранила в отдельном шкафчике. Бывало, мы их подворовывали. А когда были подростками, но однажды стащили у отца водку, а в бутылку налили воды.

Мне нравилось быть подростком: это время, когда можно в любой момент оказаться в другом мире, где больше чего-то по-настоящему своего. Мы с Тиной проводили вместе каждую свободную минуту. Мы так веселились! Я общалась с ней и её подружками Битте и Буэль, хотя и была на целых три года младше. Мне хотелось быть с ними, что бы они ни делали. Меня просто распирало любопытство, я всегда старалась оказываться в первых рядах и ничего не упускать. Они считали меня своим талисманом, и я приносила радость и развлекала их. Как, например, на рождественских праздниках, которые они сами устраивали. Меня всегда наряжали Сантой, и я устраивала какое-нибудь шуточное представление. А как-то раз летом мы решили немного подзаработать и отправились собирать клубнику. Я стояла между кустами и кривлялась, а девчонки катались от смеха по земле. Бригадир ужасно разозлился, ведь мы передавили ему все кусты.

Порой они хотели подразнить меня и в такие моменты переставали быть душками. Помню, как однажды пришлось

лежать под диваном: они не позволяли мне вылезать, пока я от начала до конца не спою гимн Швеции. Они сидели на этом самом диване и ногами преграждали мне путь. А когда я была совсем маленькая – отрезали мои длинные волосы. И это как раз накануне свадьбы Свена-Арне! Маме потом пришлось долго подравнивать концы волос, чтобы моя причёска выглядела поаккуратней.

Но в целом мы просто классно проводили время.

Я не раз раздумывала над тем, какой я была в подростковом возрасте, а потом нашла вот это. (*Показывает «Мой дневник» – тетрадь, в которой записывают о себе разные вещи*). Думаю, тогда мне было лет тринадцать.

Читает вслух:

Любимая одежда: подвёрнутые длинные брюки, водолазки, пёстрые штаны, плащ средней длины, жилетка с бахромой, вишнёвые трусики, расклешенные джинсы, свитер со шнуровкой, белые сапоги.

Хорошие книги: «Поиски ребёнка 312».

Друзья: Лотта, Битте, Эва-Карин. Супернадёжные и добрые.

Моими кумирами были Creedence, Pugh, Led Zeppelin, Stones, Джими Хендрикс, Ike и Тина Тёрнер...

Видите, я внимательно следила за тем, что было популярно в те времена.

Мы с сестрой Тиной отыскиали «Радио Люксембург». Там

крутили потрясающую музыку. О, это был совершенно новый, прекрасный мир! Первый сингл нам подарила Улла-Бритт. Песня Monkees. Мы были на седьмом небе от счастья! Начали покупать пластинки и теперь жили только ради того, чтобы слушать синглы. Если дома что-то не ладилось, мы погружались в мир музыки. От всех невзгод нас спасали песни Beatles и Rolling Stones. Первым синглом, который я приобрела на собственные деньги, был «Valleri»¹⁹ группы Monkees.

Разумеется, мы с Тиной слушали «Вечерний чарт» и «Десятку». Помню, как мы ревели, услышав «Nights in White Satin»²⁰ группы Moody Blues. Какая красивая композиция! В моей жизни важную роль играли ещё и Deep Purple с Led Zeppelin: в музыке меня всегда тянуло к чему-то более дикому, что ли. Вот, скажем, Джими Хендрикс. Я его боготворила.

Музыкой нашего с Тиной поколения был поп. Для Йосты же всё современное звучало как «тыц-тыц, тыц-тыдыц», он вообще не понимал всего этого. Поп и рок были не для него.

---

¹⁹ С англ. «Валлери». – *Прим. пер.*

²⁰ С англ. «Ночи в белом атласе». – *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.